

СЕМЕЙНЫЙ АПОКАЛИПСИС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Толстых

Андрей Толстых
Семейный Апокалипсис

«Автор»

2026

Толстых А.

Семейный Апокалипсис / А. Толстых — «Автор», 2026

Апокалипсис не спрашивает, готов ли ты. Он просто приходит. У них нет бункера, нет оружия, нет чёткого плана. Есть только дорога на восток и вера, что в конце кто-то ждёт. Шесть тысяч километров. Зомби, бандиты и собственные страхи. Семья - единственное, что остаётся, когда всё остальное рушится

© Толстых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Семейный Апокалипсис	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Толстых Семейный Апокалипсис

Семейный Апокалипсис

Глава 1

Меня зовут Дима, мне двадцать девять, и я читаю рэп, который никто не слушает.

Ну, то есть технически его кто-то слушает. Вчера, например, пятеро человек поставили лайк под треком «Вечерний туман». Я пересчитывал. Три раза. Ещё мой пёс Генри периодически ходит по комнате, когда я записываю куплеты, и одобрительно виляет хвостом. Если, конечно, это можно считать за прослушивание.

Правда в том, что я хорош в своём деле. Не отличный, не гениальный, но хорош. Я чувствую ритм, умею укладывать текст в бит, знаю, где сделать паузу, а где выдохнуть. Проблема в другом. Мои треки уходят неизвестно куда. На стриминги я их выкладываю сам, но слушателей почти нет. Друзья говорят, что у меня «некоммерческий звук». Я не до конца понимаю, что это значит, но звучит как приговор.

За съёмную квартиру я плачу из доходов от удалённой работы – я оператор в доставке роллов «Филадельфия». Смешно звучит, да? Рэпер и оператор доставки. Но работа простая: сидишь в веб-интерфейсе, принимаешь заказы, перезваниваешь клиентам. Десять тысяч в неделю за три смены. Не богатство, но на корм Генри и на запись треков хватает.

Так, ладно. Не хочу, чтобы глава начиналась с нытья.

Начну с другого.

Сегодня был странный день. Я понял это ещё утром, когда Генри не стал прыгать с утра, требуя выгула. Вместо этого он лежал на диване, положив рыжую морду на лапы, и смотрел на дверь. Не рычал. Не скулил. Просто смотрел. Так обычно смотрят люди, которые что-то знают, но не хотят тебя пугать.

– Генри, ты чего? – спросил я, натягивая домашние штаны.

Пёс перевёл взгляд на меня, потом снова на дверь. Я почесал его за ухом. Шерсть была сухой, нос – мокрым. Ветеринар говорила, что у Генри тревожное расстройство, прописала ему капли на ночь, но они не особо помогли. Пёс боялся громких звуков, одиночества, резких движений и почему-то пылесоса.

Я назвал его в честь Генри Чинаски – альтер эго Буковски. Думал, будет крутой пёс-алкоголик, который писает в раковину и ругается с соседями. И получилось – как корабль назовёшь, так и поплывёт. Генри оказался самым тревожным псом на районе. Бойся громких звуков, плачет, когда я ухожу в магазин, и однажды разрыдался, потому что я сказал, что буду записывать альбом и ему придётся это слушать. Буковски бы гордился, наверное.

С одиночеством у нас была отдельная история. Генри нельзя было оставлять одного дома даже на пару часов. Начинался конец света: вой, разодранный диван, лужи в прихожке. Мы с Таней пробовали разные методы – игрушки, капли, феромоны, даже включали ему на ноутбуке аудиокниги. Однажды он успокоился под голос диктора, который читал «Краткую историю космоса». С тех пор мы иногда оставляли ему космос. Не спрашивайте, я сам не понимаю.

Выгуляли мы его быстро. В Мурино в восемь утра ещё никого нет, только такие же собачники, которые молча кивают друг другу и делают вид, что не слушают, о чём ты говоришь с собакой. Я говорил с Генри так, будто он человек. И он, если честно, понимал.

– Сегодня у нас куча планов, – сказал я ему, когда мы зашли обратно в лифт. – Я поработаю над текстом, потом смену отсижу, потом Таня придёт, и мы посмотрим какой-нибудь ужастик. Ты ляжешь у нас на коленях и будешь притворяться, что не боишься, а испугаешься и убежишь в коридор.

Генри вильнул хвостом. Лифт поднимался на девятнадцатый этаж. Внутри пахло чужими ужинами и дешёвым стиральным порошком.

Квартира у нас – двадцать квадратов. Студия на Воронцовском бульваре. Аренда – двадцать тысяч, плюс коммуналка зимой доходит до пяти. Всё в одной комнате: диван, на котором

мы спим, мой рабочий стол с микрофоном и компом, кухонный уголок, шкаф и маленькая прихожая. Многофункциональный диван. Днём он диван, ночью – наша кровать. Мы уже пять лет так живём, и знаете – это нормально. Мы из Читы, уверен, что когда-нибудь купим свою двушку в Питере. Но пока вот так.

Я сел за стол, включил комп, открыл проект, над которым работал последние две недели. Бит я купил у одного знакомого битмейкера из Новосибирска за три тысячи. Хороший такой, грустный, с фортепиано и низким басом. Под него хотелось читать что-то про этот город, про серое небо и вечные пробки. Я набросал пару строчек, перечитал, стёр. Не то.

Наушники у меня новые, хоть и китайские – заказывал с доставкой, ждал три недели. Звук у них неплохой, хотя вокал иногда гуляет. Но они мои, и это уже хорошо.

Таня у меня инженер, четвёртый курс специалитета. Изучает эксплуатацию радиотехнического оборудования. Я, честно, не очень понимаю, что это значит, но звучит серьёзно. Она рассказывала про какие-то радиолокационные системы, про настройку частот, про то, как антенны работают. Я кивал и думал, что мы оба работаем со звуком, только по-разному. Она – с радиоволнами, я – с голосом.

Вместе мы пять лет. Встретились в Питере, хотя оба из Читы. Смешно: нужно было уехать за тысячу километров, чтобы найти человека, который вырос на той же улице в Забайкалье.

У нас часто разные взгляды. На фильмы, на музыку, на то, как правильно складывать одежду. Она любит порядок, я – творческий беспорядок. Но мы всегда стараемся прийти к компромиссу. Я убираю со стола кружки, она не трогает мои провода. Я мою посуду, она терпит мои репетиции по вечерам.

И конечно же – ревность.

Я не буду притворяться, что это не моя проблема. В группе у Тани из двадцати человек только две девушки, остальные парни. И я знаю, что она меня не обманывает, но всё равно внутри что-то скребёт, когда она задерживается на парах. Поэтому у нас с ней правило: она всегда на связи. Не чтобы я проверял – я ей доверяю. Просто так спокойнее. Таня говорит, что понимает. И правда: сама всегда пишет, где она, с кем, когда будет дома.

Так прошло утро. Я переписал первый куплет, потом стёр его и написал заново. Генри дремал под столом, иногда вздыхая во сне. За окном было серое небо – обычное питерское небо.

Потом я встал налить кофе и заметил тишину.

Это трудно объяснить, если ты не жил в Мурино. Здесь всегда шумно. Всегда.

Сосед слева – парень лет тридцати, наркоман. Высокий, худой, с бородой сантиметров пятнадцать, неухоженной, как будто он её не расчёсывал никогда. Лицо бледное, с тёмными кругами под глазами. Одежда всегда мешковатая, грязная. У него постоянно кто-то сидит – такие же или местные алкаши. Орут, спорят, дерутся. И он любит громкую музыку – тяжёлую электронику на низких частотах, от которой у Генри начинает трястись подбородок.

Соседка справа – студентка. Ей, наверное, двадцать один или двадцать два. Ростом около ста шестидесяти, тучная, в толстых очках, которые постоянно сползают на нос. Волосы собирает в небрежный пучок. По ночам включает попсу на полную, громко смеётся с подругами, топает, поёт. Они курят на лестничной клетке, и запах дешёвых сигарет пробивается к нам даже через закрытую дверь.

Зато соседи напротив – пожилая пара. Тихие, вежливые. Если встречают в коридоре, здороваются, улыбаются, никогда не жалуются. Я даже не знаю, живы ли они ещё – дверь их закрыта всегда, ни звука, ни шагов. Может, уехали на дачу. Мы с Таней иногда гадаем, но так и не узнали.

Сегодня был вторник. И было тихо.

Слева не орали и не долбила музыка. Справа не смеялись, не топали и не пели. Я постоял минуту, прислушиваясь. Слышал только, как Генри возится под столом и где-то далеко внизу сигналист машина.

Я отхлебнул кофе и вернулся к тексту. Но мысли разбегались.

В одиннадцать началась моя смена. Заказов было мало. Во вторник обычно мало. Я ответил на три чата, перезвонил женщине, которой привезли не тот ролл. Она была уставшая. Я её понимал.

В обед я достал из холодильника курицу и рис. Поставил вариться. Генри сидел рядом и смотрел голодными глазами – первый раз за день проявил интерес к еде.

Я погладил его и вспомнил, как мы с Таней решили не держать оружие дома. Мне вообще нравится оружие, хотя я в нём не особо понимаю. Как что-то из фильмов – красивое, мощное, опасное. Но Таня сказала: «Пистолет дома – это больше шансов, что ты или я случайно выстрелим, чем что мы спасём мир». Я тогда ещё пошутил: «А если зомби-апокалипсис?» Она ответила серьёзно: «Когда начнётся, тогда и посмотрим, а пока никакого оружия». Я решил не спорить. Да и незачем спорить, когда она говорит уверенно, а меня этот вопрос не сильно беспокоил. Так что оружия у нас нет. И это, наверное, правильно.

Но в тот день где-то под ложечкой сосало. От предчувствия.

Часа в четыре я позвонил Тане. Она ответила после второго гудка.

– Привет. Что-то случилось?

– Нет, – соврал я. – Просто Хэнк странный. И тихо у соседей.

– Может, уехали? – она говорила будто сквозь вату. – У меня последняя пара, я приеду около семи. Ты приготовил?

– Да. Рис с курицей.

– Боже, опять рис.

– Ты одна? – спросил я, тактично проигнорировав её недовольство.

– В библиотеке. Но тут странное. В коридорах полиция. И по радио объявили оставаться на местах. Что-то про беспорядки в городе.

– Какие беспорядки?

– Не знаю. Я вышла в холл – люди смотрят новости. Лица у всех странные. И связь как-то плохо работает.

Я посмотрел на Генри. Он сидел у двери и смотрел на неё не мигая.

– Тань, будь осторожнее.

– Я позвоню, как выйду.

Мы попрощались.

Дальше время тянулось медленно. Я не мог работать. Просто смотрел в окно. На девятнадцатом этаже видно далеко. Всё было как обычно. Но небо казалось каким-то жёлтым.

В шесть Таня написала: «На Адмиралтейской. Метро работает, но много полиции. Перезвоню».

Я ответил: «Жду».

Через полчаса она набрала сама. Голос взволнованный.

– Заяц, ты не поверишь. Тут повсюду что-то странное.

– Что?

– На станции люди бежали. Не много, человек пять. В сторону эскалаторов. У одного лицо было в грязи, или в чём-то. Я не успела разглядеть. Потом в вагоне было пусто. Почти никого. Обычно в час пик полно народу. А тут – пустой вагон.

– Может, все разъехались?

– Не знаю. И ещё. На «Лесной» поезд стоял минуты три. Объявили, что «из-за технических причин». Но в окно я видела – на платформе скорая и полиция. И носилки.

– Может, тебе на такси поехать?

– Не могу. Я уже в метро. Не начинай. Скоро буду.
– Ты одна?
– В вагоне ещё два человека. Старушка и парень в капюшоне. Старушка бормочет, что «город падает». Парень сидит неподвижно и не моргает.
Я сжал телефон.
– Таня, выйди на следующей. Дождись меня.
– Не надо. Я почти приехала. Ты сиди дома. Я люблю тебя.
Она сбросила звонок.
Через двадцать минут – тишина. Через полчаса – ничего.
Я ходил по комнате. Генри следил взглядом, хвост поджат.
В семь пятнадцать Таня набрала.
– Я на Воронцовском. Двор пустой. И в окнах почти нигде нет света.
Я подошёл к окну. Действительно – в соседних домах тёмные окна.
– Тань, беги в подъезд. Или лучше встретить.
– Не надо. Я уже у двери. – Голос дрогнул. – Дим, там внутри кто-то есть. Я слышу шаги.
– Чьи?
– Не знаю. И пахнет... чем-то сладким. Как гнилые цветы.
– Не заходи!
– Лифт работает. Я уже нажала кнопку.
– Таня!
– Всё, я в лифте. Двери закрываются. Я на первом. Еду наверх.
Я слышал гул лифта в трубке. Потом звон – остановка.
– Деятнадцатый, – прошептала она. – Выхожу.
– Там никого?
– Темно. Лампочки погашены. Но кто-то есть. Я слышу – с торца коридора.
– Беги к нашей двери!
Она задышала быстрее. Шаги по бетону. Быстрые.
– Я у двери. Открывай!
Я откинул цепочку, повернул замок, распахнул дверь. Таня влетела внутрь, я захлопнул дверь и запер на все замки.
Она прислонилась к стене, тяжело дыша. В глазах – страх.
– Там кто-то был, – выдохнула она. – В конце коридора. Я не видела лица, но оно дышало.
И воняло.
Генри подбежал к ней, ткнулся носом в ногу, заскулил.
– Ты как? – спросил я, обнимая её.
– Не знаю. – Она посмотрела на дверь. – По дороге я видела странные вещи. Пустые машины на Невском. Брошенные. С открытыми дверями. Бегущих людей. И эти новости по радио – «оставайтесь на местах», но никто не объяснял почему.
– Может, теракт?
– Не знаю. Я видела одного человека. Он шёл по переходу. Шаркал, как будто ноги не сгибались. Лицо какое-то серое. Я перешла на другую сторону.
– Наверное, пьяный, – сказал я, хотя сам уже не верил в это.
– Может быть, – ответила она, но в голосе уверенности не было.
Я посмотрел на дверь. За ней было тихо, слишком тихо для Мурино. Генри перестал дрожать, но не отходил от Тани, уткнувшись носом ей в колено. Мы сидели втроём в темнеющей комнате, слушая, как за стеной иногда что-то скребётся, но мы пока не знали – то ли крысы, то ли кто-то покрупнее. Таня молчала и сжимала мою руку. Я молчал и смотрел на дверь. Мы ничего не понимали. Но Генри, кажется, понимал всё.

Глава 2

Леонид Воронов проснулся за полчаса до будильника. Это было странно – он никогда не просыпался сам. Обычно его поднимал вибрирующий телефон, а следом – голос жены Алёны: «Лёнь, вставай, проспичь». Сегодня он открыл глаза и понял, что уже не спит. И что за окном слишком тихо.

Кингисепп в шесть утра обычно не молчит. Где-то лают собаки, где-то сигналит фура на трассе, где-то сосед сверху включает телевизор так громко, будто сам оглох. Но сейчас было тихо. Только редкие птицы за окном – и больше ничего.

Лёня сел на кровати, потёр лицо. Рядом спала Алёна – жена. В соседней комнате, у Олеси Петровны, в той же квартире, спал их сын Иван. Им с женой и сыном выделили комнату на время гостей. Четыре года, сопит, раскинув руки, как будто обнимает весь мир. Лёня посмотрел в сторону детской, потом перевёл взгляд на телефон. Экран горел белым светом: четыре пропущенных от Игната.

Игнат – старый знакомый, ещё со времён, когда Лёня работал на складе в Питере. Сейчас они виделись редко, но созванивались иногда. Игнат работал в охранном предприятии и знал много такого, чего обычные люди не знают.

Лёня вышел на кухню, набрал номер. Игнат ответил после первого гудка.

– Ты живой? – спросил без приветствия.

– В смысле? – Лёня прислонился к холодильнику. – А что случилось?

– Ты новости не смотрел? Телевизор включи.

– С утра пораньше? Игнат, ты чего...

– Лёня, слушай сюда. В городе хаос. Какой-то вирус. Люди нападают на людей. Я сам видел на Привокзальной площади – мужик в грязной одежде кинулся на девушку. Кусал. Прямо на глазах у всех.

Лёня замер.

– Ты серьёзно?

– Я когда шутил? – Игнат зашёлся сухим кашлем. – На работу сегодня не ходи. Вообще никуда не ходи. Я на своём посту сижу, дверь забаррикадировал. У нас тут трое уже... короче, не важно. Ты мать предупреди.

– А что с властями?

– А что власти? – Игнат хмыкнул. – Они сами не знают, что делать. По радио говорят «оставайтесь дома», а по факту – ни полиции, ни скорой. Кое-где военных видели, но их мало. Лёня, я тебе как другу говорю: запасайся, чем можешь, и сиди тихо. Если есть возможность уехать подальше от людей – уезжай.

– Куда уехать? В Читу обратно, что ли? – Лёня хотел пошутить, но голос не слушался.

– Хоть в Читу. Лишь бы подальше. Здесь через неделю будет мясорубка.

Игнат сбросил звонок. Лёня постоял ещё минуту, глядя на погасший экран. Потом медленно, будто во сне, прошёл в комнату, открыл ноутбук, нашёл новости.

Первое, что он увидел, был заголовок: «Беспорядки в Санкт-Петербурге: полиция не справляется». Дальше – видео с телефона: люди бегут по Невскому, кто-то кричит, вдалеке дым. Ещё одно – «Массовые нападения в метро». Ещё – «В Москве введён режим чрезвычайной ситуации».

Лёня выключил ноутбук. Посидел. Потом встал и начал действовать.

Он был из тех, про кого говорят «зимой еврею снег продаст». Не потому, что жадный – просто умел договариваться, находить выходы, обходить преграды. Если нужно было достать что-то дефицитное – он легко доставал. Если нужно было уладить дело с кем-то несговорчи-

вым – он улаживал. Таких не любят в моменте, но уважают после. Потому что они всегда оказываются правы.

В шесть тридцать он уже оделся. В шесть сорок – завёл свою вишнёвую девятку. Она стояла во дворе, аккуратная, блестящая, без единой царапины. Капот отполирован до зеркального блеска, диски литые, салон пахнет кожей и чем-то приятным, как в новой машине. Лёня любил её больше, чем некоторые любят своих жён. И Алёна это знала и, кажется, даже одобряла – потому что эта любовница хотя бы не требовала цветов по пятницам, хоть и по карману иногда тоже была.

Родной отец Лёни был фанатом вождения. Именно он научил сына чувствовать машину, слышать каждый стук в моторе, понимать, когда пора менять масло, а когда можно ещё проехать. Сейчас отец жил в Чите. У него была новая жена и двое детей. Лёня не виделся с ним уже много лет, но всё что впитал с его воспитанием, до сих пор носит с собой.

Девятка завелась с полуоборота, как всегда. Лёня выехал со двора и направился к магазину.

Кингисепп ещё спал. Улицы были пусты – только редкие прохожие, которые шли быстро и не смотрели по сторонам. Одна машина – тёмный джип – пронеслась на красный. Лёня пропустил её и подумал, что кто-то всё же едет сегодня на работу и, судя по всему, очень опаздывает.

Магазин на Ленинградском шоссе работал. Охранник на входе зевнул и даже не спросил, куда он так рано. Лёня взял две тележки и начал набивать их так, будто готовился к осаде. Крупы, тушёнка, спички, соль, сахар, вода в пятилитровых бутылках. Потом подумал и добавил детское питание для Ивана – четыре года, а ест как взрослый, но вдруг пригодится, лекарства из аптечного отдела (жаропонижающее, бинты, йод, активированный уголь) и пару коробок сгущёнки.

На кассе он расплатился картой. Кассирша – молодая девушка с красными глазами, будто только что плакала – спросила:

– Это вы на случай конца света?

– А он начался уже, – ответил Лёня и вышел.

Она не засмеялась.

Домой он вернулся в восемь. Олеся Петровна уже проснулась и сидела на кухне с чашкой чая. Мать. Невысокая, метр шестьдесят, светлые короткие волосы, ясные глаза, прямой взгляд. Спорить с ней было бесполезно, и Лёня это знал с детства.

– Ты куда ездил? – спросила она.

– За продуктами, – Лёня поставил пакеты на стол. – В городе беда. Мы никуда не выходим сегодня.

– Какая беда?

– Игнат звонил. В Питере люди на людей нападают. Какой-то вирус. Кусаются, как бешеные. Власти не справляются.

Олеся Петровна поставила чашку. Её лицо не изменилось – только глаза стали острее. – Я вчера вечером новости смотрела. Думала, преувеличивают.

– Нет, мам. Не преувеличивают. Игнат своими глазами видел.

В этот момент в кухню вошла Алёна – жена Лёни. Заспанная, в халате, с тёмными кругами под глазами. Рядом с ней – Иван, четырёхлетний сонный комоч, который тёр кулачками глаза. – Чего случилось? – спросила Алёна, зевая.

Лёня повторил. Алёна побледнела. Иван ничего не понял, сел на пол и начал строить башню из кубиков, которые принёс с собой из комнаты.

– А Коля? – спросил Лёня. – Коля где?

– Спит ещё, – ответила Олеся Петровна. – Он вообще долго спит. Молодой же.

– Разбуди. Надо всем собраться и решить, что делать.

Через час они сидели за кухонным столом: Лёня, Алёна, Олеся Петровна, Коля Стасенко (младший брат, восемнадцать лет, высокий, худой, с вечно взъерошенными волосами и растерянным лицом) и Иван, который уже проснулся окончательно и теперь рисовал что-то на обрывке бумаги.

Лёня объяснил ситуацию. Спокойно, без паники, как привык на работе – чётко, по делу. Игнат позвонил. В Питере хаос. Вирус передаётся через укусы. Власти не контролируют ситуацию. В Кингисеппе пока тихо, но это ненадолго.

– Надо уезжать, – сказал он. – Я предлагаю арендовать маленький частный дом в Сланцах, в районе Лучки. Старый, но крепкий. Огород, колодец, печка. Можно сидеть там месяцами, никто не найдёт.

Алёна закивала. Она слышала об этом районе – Лёня рассказывал. Место глухое, людей мало. Идеальное убежище.

– А что в Лучках? – спросила Олеся Петровна. – Там же никого. Это не город. Если что случится – врача нет, магазина нет.

– В том и плюс, – сказал Лёня. – Там никого нет. А значит – ни вируса, ни паники. Пересидим. А там видно будет.

Коля молчал. Он вообще молчал весь разговор, сидел, сжавшись в комок, и слушал. Из всех присутствующих он был самым младшим и самым испуганным. Ему только восемнадцать, он только школу закончил, по вечерам подрабатывал официантом, но жил с матерью. И сейчас он смотрел на старшего брата так, будто тот был единственным, кто знает ответы.

– А в Читку? – вдруг сказала Олеся Петровна.

Все повернулись к ней.

– Что – в Читку? – переспросил Лёня.

– Поехать в Читку. Моя мама там, – она говорила быстро, как будто боялась, что её перебьют. – Ей семьдесят два. Она одна. Я не могу её бросить. Не могу.

– Мам, – Лёня вздохнул. – Чита – это шесть тысяч километров. Через всю страну. Через Питер, через Москву, через... там же везде эти... – он не знал, как их назвать. – Через всё это. Это не поездка, это самоубийство. Да и не одна она там. Там родственников куча, знакомых, они справятся и без нас.

– А оставить её там – по твоему нормально? – Олеся Петровна смотрела на сына так, что он почувствовал себя маленьким. – Она одна. Без меня. Если этот вирус придёт и туда... что она будет делать?

– Может, она уже... – начал Коля и тут же замолчал, потому что мать посмотрела на него.

– Она жива, – сказала Олеся Петровна твёрдо. – Я знаю. Я чувствую. И мы поедем к ней.

– Нет, мам. – сказал Лёня. – Прости, но я с Ваней никуда не поеду. Это безумие. Ехать через полстраны, когда кругом зомби? Ты с ума сошли.

– Вот именно, – поддержала его Алёна, которая повторила. – Олеся Петровна, вы же врач. Вы должны понимать, что это опасно. Мы не знаем, как распространяется вирус. Может, он уже везде. А вы предлагаете...

– Я не предлагаю, – перебила Олеся Петровна. – Я говорю, что поеду. Одна. На своём УАЗике. С собой возьму Колю. Остальные могут делать что хотят.

На кухне повисла тишина. Коля побледнел. Лёня закрыл глаза.

Он знал свою мать. Она была из тех, про кого говорят: «И коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт». Только она сначала этого коня шуганёт, чтобы без дела не стоял, а потом сама избу подожжёт – потому что всё равно давно ремонт не делали, а так хоть повод будет. Спорить с ней было бесполезно. Её вела не логика – ею правили эмоции. Страх за свою мать, которая осталась одна в Чите. И никакие доводы не могли пересилить этот страх.

– Мам, – тихо сказал Лёня. – Дай мне подумать. Хотя бы до завтра.

– Думай, – разрешила она. – Но я уезжаю послезавтра. С тобой или без тебя.

Она встала, взяла кружку и вышла на балкон. Закрыла за собой дверь.

Остальные сидели молча.

Весь день Лёня провёл в раздумьях. Он несколько раз звонил Игнату – не дозвонился. Смотрел новости – они становились всё хуже. В Питере ввели комендантский час. В Москве стреляют на улицах. В Кингисепе пока спокойно, но уже начались грабежи – кто-то разбил витрину продуктового на Советском проспекте.

Он всё думал. И чем больше думал, тем яснее понимал: мать не остановить. Если он её отпустит одну – она либо не доедет, либо доедет и там найдёт чёрт знает что. А если поедет с ней – есть шанс, что они все выживут. Хотя бы потому, что он умеет водить. Умеет ремонтировать машины. Умеет договариваться. А ещё у него есть вишнёвая девятка, которая ни разу не подвела. На двух машинах точно доедут.

К вечеру он принял решение.

– Едем в Читу, – сказал он за ужином. – Все.

Алёна уронила ложку.

– Ты с ума сошёл.

– Возможно, – согласился Лёня. – Но я не отпущу мать одну. А её не переубедить. Значит, едем все. Вместе.

– А Ваня? – голос у неё дрожал. – Ты хочешь везти четырёхлетнего ребёнка через всю страну, в которой гуляет непонятный вирус?

– Я хочу, чтобы он был рядом с нами, – ответил Лёня. – Потому что если мы разделимся, я не знаю, увижу ли вас когда-нибудь.

Он посмотрел на мать. Та кивнула.

– Едем, – сказала она коротко.

Коля молчал. Он был не рад, но спорить с матерью не решился. Он вообще никогда с ней не спорил.

Алёна заплакала.

– Мы справимся, – сказал Лёня, обнимая её. – Я обещаю.

Он не добавил «как всегда». Потому что сейчас было не «как всегда».

Лёня вышел на кухню, достал телефон и начал искать карту.

Чита. Шесть тысяч километров. И зомби по всей дороге. И семья, которая ждёт от него решений всех проблем.

– Едем послезавтра, – сказал он, вернувшись в комнату. – Завтра я займусь бензином. Нам нужно много. Очень много.

– А где ты возьмёшь столько бензина в городе, где всё горит? – спросила Алёна сквозь слёзы, ожидая что муж одумается.

Лёня улыбнулся. Невесело, но уверенно.

– Договорюсь, – сказал он. – Ты же знаешь, это я умею.

Он подошёл к окну. За стеклом темнел Кингисепп. Спокойный, почти нормальный. Ещё.

Лёня подумал о своей девятке, о том, как она поведёт себя на трассе, если придётся уходить от погони. Подумал о матери, которая вцепилась в идею спасти свою мать, и не отпустит, даже если все вокруг будут говорить, что это безумие. Подумал о брате, который боится, но не говорит. О жене, которая плачет, но остаётся. О маленьком Ване, который ничего не понимает и спит сейчас у телевизора. О Бабушке, которая даже не знает, что они приедут

«Что ж, – подумал он. – Значит, Чита. Значит, через всю страну. Значит, будем выкручиваться».

Он сел за стол, открыл блокнот и начал писать список:

Бензин.

Масло.

Запасные колёса.

Аптечка.

Консервы.

Вода.

Список был длинным. Но времени – до послезавтра.

Лёня посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Завтра встанет рано, объедет всех знакомых, кто может помочь с топливом. Игнат не отвечает – значит, поедет к нему сам. У него был свой человек на заправке. Ещё один – в автосервисе. Ещё один – на складе ГСМ.

Оставалось только договориться.

Олеся Петровна сидела на балконе и смотрела в темноту. Она не плакала. Она вообще редко плакала. Но сейчас у неё внутри всё дрожало – не от страха, от неизвестности. Телефон её матери не отвечает. И никто не знает, что там происходит.

«Я доберусь, мама, – подумала она. – Чего бы это ни стоило».

Коля сидел в своей комнате – бывшей комнате Лёни, где теперь стоял раскладной диван – и смотрел в потолок. Ему было страшно. И он не знал, как с этим справиться. Обычно он сам стойко решал свои проблемы, но в этот раз было гораздо сложнее. Но с ним были мать и брат, которым он верил.

«А если они оба не справятся?» – подумал он. И тут же отогнал эту мысль.

Алёна уложила Ваню спать, выключила свет и легла рядом с мужем. Он уже почти заснул – голова тяжёлая, руки пахнут бензином и мылом, под глазами круги.

– Лёнь, – прошептала она. – Мы правда поедем?

– Правда, – ответил он, не открывая глаз.

– А если не доедем?

– Доедем.

– Откуда ты знаешь?

Он повернулся к ней, открыл глаза. Усталые, но спокойные.

– Потому что я обещал. А я свои обещания держу.

Она ничего не сказала. Только прижалась к нему и закрыла глаза.

За окном темнел Кингисепп. Город, который ещё не знал, что завтра начнётся что-то страшное. Или уже знал, но молчал.

Лёня спал и видел во сне девятку. Она ехала по пустой трассе, и небо было чистым, и никого вокруг – только ветер и дорога. А впереди, за тысячами километров, была Чита, которую он с таким трудом покинул и теперь вынужден туда вернуться.

Он грустно улыбнулся во сне и повернулся на другой бок.

Завтра нужно было запастись бензином.

А послезавтра – ехать в дорогу.

Глава 3

Вечер прошёл спокойно. Настолько спокойно, что это само по себе было подозрительно.

После того как Таня влетела в квартиру, хлопнула дверью и мы отдышались, ничего не происходило. За стеной не орали, не долбила музыка, не слышалось шагов. Даже Генри, который обычно к ночи успокаивался и забирался на диван, на этот раз почти не отходил от двери. Он лежал на полу в прихожей, положив морду на лапы, и смотрел на дверную ручку. Не скулил, не рычал. Просто смотрел.

– Генри, иди сюда, – позвал я.

Он вильнул хвостом, но не двинулся с места.

– Оставь его, – сказала Таня, поправляя плед на диване. – Он чувствует что-то.

– Что он может чувствовать? За стеной тишина.

– Вот именно. Тишина. В нашем районе. Во вторник вечером. Это ненормально, Дим.

Я не стал спорить. Она была права.

Мы легли спать рано. Я обнял Таню, Генри в конце концов забрался к нам в ноги и уснул, вздрагивая во сне. За окном было темно и тихо. Иногда мне казалось, что я слышу далёкие крики, но, может быть, это просто ветер.

В среду утром я проснулся от того, что Таня гремела сковородкой на кухонном уголке.

– Доброе утро, – сказала она, не оборачиваясь. – Будет яичница с беконом. Для Генри уже рис с фаршем на пару.

– Было бы здорово, если бы ещё с ним не пришлось сейчас никуда вылазить. – пробормотал я, садясь на диване.

– Если приучишь его к унитазу, так и быть, можешь ходить с ним реже.

Она улыбнулась, и мне стало легче. Вчерашний страх ещё не отпустил до конца, но утро снимает половину проблем. Солнце, пусть и серое, пробивалось сквозь облака. Я потянулся, зевнул и посмотрел на Хэнка. Пёс сидел в прихожей. Опять. На том же месте, что и вчера. Глядя на дверь.

– Он там всю ночь? – спросил я.

– Не знаю, – Таня помешивала яйца. – Я просыпалась в четыре – он сидел там. В семь – сидел. Может, ему нравится.

– Ему не нравится. Он боится.

– Чего?

– Не знаю. Но боится.

Я подошёл к Генри, присел на корточки. Пёс посмотрел на меня, потом снова на дверь. Я погладил его за ухом. Шерсть была сухой, но сам он был напряжён, как струна.

Всё будет хорошо, – сказал я. – Мы пока никуда не выходим сегодня. У нас выходной. Торопиться некуда.

Он тихо вздохнул и положил голову мне на колено.

Мы позавтракали. Яичница с беконом удалась на славу – Таня умела готовить простые вещи так, что они казались деликатесами. Генри сжевал свой рис с фаршем за минуту, потом подошёл к миске с водой и долго пил, будто готовился к забегу. Но к двери не вернулся. Лёг на своё место под столом и уснул.

До обеда я пытался сочинять текст. Вчерашний куплет рассыпался, как гнилая ткань. Я написал три строчки, потом стёр их. Написал другие – стёр снова. Голова была пустой, как консервная банка после того, как из неё всё выгребли.

– Может, погуляешь с Генри? – предложила Аня где-то в час. – Он уже заскучал. Да и тебе свежий воздух не помешает.

Я посмотрел на Генри. Он дремал, но при слове «гулять» уши наострились. Потом он перевёл взгляд на дверь, и его хвост, только что бодро вилявший, замер.

– Не хочет, – сказал я.

– Ты его спросил?

– Спрашиваю глазами.

Таня засмеялась.

– Дима, ты серьёзно? Собака всегда хочет гулять. Особенно Генри. Он же обожает улицу.

Это было правдой. Обычно Генри начинал прыгать и крутиться вокруг меня, стоило мне надеть джинсы. Он мог танцевать от радости, чуя запах поводка. Но сейчас, когда я встал и потянулся к полке, где висел ошейник, пёс не обрадовался. Он сидел под столом и смотрел на меня с выражением, которое я не мог прочесть.

– Генри, – позвал я.

Он не пошевелился.

Я взял поводок, подошёл к нему, пристегнул ошейник. Пёс не сопротивлялся, но и не помогал. Он стоял, опустив голову, и дрожал мелкой дрожью.

– Может, не надо? – сказала Таня, заметив это.

– Надо. Ему нужно выйти. И мне тоже стоило бы мозги проветрить.

– Ну смотри.

Я надел кеды, куртку, открыл дверь. Генри сделал шаг, потом остановился. Я потянул за поводок – он не двинулся.

– Идём, дурачок.

Он шагнул на площадку, но я видел: ему это не нравилось. Он нюхал пол, стену, дверь соседа слева. Потом вдруг замер и поджал хвост.

– Что там? – спросил я.

Генри зарычал. Тихо, низко, так рычат только когда видят что-то очень страшное. Я перевёл взгляд вперёд.

На лестничной клетке, в полутьме, я увидел две фигуры. Сосед – тот самый, высокий, худой, с длинной бородой – стоял, облокотившись на спутницу. А перед ним – соседка-студентка. Она прижималась к стене, и я сначала подумал: ну вот, опять свои разборки. Торчок зажимает девушку. Я хотел было крикнуть, но что-то меня остановило.

Генри зарычал громче.

Я пригляделся. Студентка не сопротивлялась. Она стояла неподвижно, как статуя. А сосед... сосед наклонил голову набок, будто прислушивался. Я сделал шаг вперёд и почувствовал, что пол под ногами влажный.

Я посмотрел вниз. На бетоне растекалась тёмная лужа. Я не сразу понял, что это. А когда понял, меня чуть не вырвало. Кровь. Много крови.

Сосед повернул голову.

Его лицо было залито красным. Борода слиплась, на куртке – тёмные пятна, в свете тусклой лампочки они казались чёрными. Он открыл рот и издал звук. Не слово, не крик. Что-то среднее между стоном и рыком. Низкое, влажное, нечеловеческое.

Студентка упала на пол, как только сосед ослабил хватку. Я увидел, что её голова болтается странно, неестественно. Сосед повернулся ко мне, и я увидел его глаза. Серые, мутные, с красными прожилками. Он сделал шаг.

Генри залаял. Так громко и отчаянно, что я вздрогнул. Он рванул назад, к нашей двери, поволок меня за собой. Я не сопротивлялся.

Мы влетели в квартиру, я захлопнул дверь и запер на все замки, которые были.

Таня стояла посреди комнаты с половником в руке.

– Что случилось? – спросила она. – Ты белый как стена.

– Там... – я пытался отдышаться. – Там кровь. На полу. В подъезде.

– Что?

– Сосед. Студентка. Они... – я не знал, как сказать. – Они не люди.

– В смысле не люди?

– Я не знаю, Тань. Я видел зомби в кино. Много раз. И читал. Это выглядело так.

Она побледнела.

– Не смешно.

– Я никогда в жизни не был серьёзнее.

За дверью что-то заскреблось. Негромко, настойчиво. Когти или ногти по дереву.

Генри зарычал, глядя на дверь.

Мы замерли. Звуки продолжались. Потом затихли. Потом началось снова. Кто-то пытался открыть дверь. Дёргал ручку. Не сильно, не как человек – скорее машинально, будто повторяя одно и то же движение.

– Дверь крепкая, – сказал я. – Не откроет.

– А если их много? – прошептала Таня.

Я не ответил. Я смотрел на дверь и думал.

Первый порыв был простым и животным: закрыться, забиться в угол, не высовываться. Запастись водой и едой, переждать. Но я читал достаточно книг про зомби-апокалипсис. Смотрел достаточно фильмов. Рано или поздно запасы кончатся. А когда они кончатся, выходить будет уже некуда, потому что подъезд заполнят эти... твари.

– Надо зачистить коридор, – сказал я.

Таня посмотрела на меня так, будто я предложил прыгнуть с крыши.

– Ты с ума сошёл.

– Нет. Подумай. У нас на этаже шестнадцать квартир. Две из них сейчас открыты, остальные пока не ясно. Не хотелось бы встретить бешенных соседей, когда будем выбираться.

– А если ты выйдешь и не вернёшься? – голос у Тани дрожал, но она держалась.

– Тогда ты закроешь дверь и будешь ждать кого-нибудь другого.

– Нет.

– Таня...

– Я сказала нет. Мы вместе придумаем что-нибудь.

Я посмотрел на неё. В её глазах был страх, но был и тот самый стальной стержень, который я всегда в ней ценил. Она не сломается. Не сейчас.

– Ладно, – сказал я. – Я разберусь. Но сначала нужно оружие.

– У нас нет оружия. Забыл?

Конечно, я помнил. Таня настаивала на том, что без него безопасней. Я тогда не стал спорить. Сейчас я думал, что, может быть, зря.

– Нож есть, – сказал я.

– Нож против... чего? Ты видел их?

– Видел. Но нож лучше, чем ничего.

Я пошёл на кухню, открыл ящик. Там лежали три ножа: один для хлеба, один для овощей, один – нормальный, с длинным лезвием. Я взял его в руку. Взвесил. Потом провёл пальцем по лезвию.

Тупой.

Я вспомнил, что собирался наточить его ещё неделю назад. И позавчера. И вчера. Все руки не доходили. Я вообще был тем ещё лентяем, когда дело касалось бытовухи. Таня напоминала, я кивал, откладывал на завтра. И вот оно, завтра. Хуже не придумаешь.

– Чёрт, – сказал я.

– Что?

– Нож тупой. Наточить надо.

– Сейчас? – Таня посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– А когда? Через час уже может быть поздно.

Я сел на табурет, достал точильный камень – тот, что купил вместе с ножом и с тех пор ни разу не использовал – и начал точить. Размеренно, спокойно, будто ничего не случилось. Водил лезвием по камню, проверял остроту на ногте, снова точил.

Внутри у меня всё сжималось от страха. Я не герой. Я рэпер, который читает треки, которые никто не слушает. Я оператор в доставке роллов. Мой главный навык – работа со словом. А сейчас мне предстояло выйти в коридор и встретиться с тем, что раньше было моим соседом.

Я старался держать лицо. Улыбался, даже пошутил про то, что если бы эти твари знали, какой у нас тупой нож, они бы не боялись. Таня не засмеялась. Но я видел, что ей стало чуть легче. Она думала, что я не боюсь.

Ошибалась.

Я боялся так, как не боялся никогда в жизни. Руки дрожали, когда я точил нож. Дыхание сбивалось. Я представлял, как выхожу за дверь, и этот... этот бывший человек бросается на меня. Я представлял, как он кусает меня, и я становлюсь таким же. Я представлял, как Таня смотрит на меня из квартиры, закрывая дверь.

Но я также представлял другое. Я представлял, как мы сидим в этой студии через месяц, потому что боялись выйти, и еда кончилась, и вода кончилась, и Генри уже не лает, потому что нет сил. Это был тупик.

Нож стал острым. Я проверил – лезвие брило волосы на руке.

– Готово, – сказал я.

– Может, не надо? – спросила Таня в последний раз.

– Надо.

Я подошёл к входной двери. Генри стоял рядом, прижавшись к моей ноге. Он смотрел на дверь и больше не рычал. Он просто ждал.

Я взялся за ручку.

И тут меня накрыло странной мыслью. Я не успел записать трек. Тот самый, который сочинял последние две недели. Куплет почти готов, припев крутится в голове, а я его никогда не запишу. Если я сейчас умру или превращусь в зомби, никто никогда не услышит этот трек.

Но потом я подумал о другом. Мне не надо сегодня на работу. Не надо перезванивать клиентам, не надо извиняться за недостачу васаби. Смена у меня только завтра. И если я переживу сегодня, то завтра... Завтра я, наверное, всё равно не пойду на работу.

Я почти обрадовался.

Странно, да? Перед тем как выйти к зомби с кухонным ножом, я радуюсь, что не надо работать.

Я сделал глубокий вдох. Набрал полные лёгкие воздуха, будто собирался нырять под воду и резко открыл дверь.

Она отлетела, ударив во что-то мягкое. Зомби сосед – тот самый, высокий, с бородой – стоял прямо за дверью, и она сбила его с ног. Он упал навзничь, раскинув руки, и я успел заметить, что его левая рука висит странно – вывернута наружу, будто сломана.

Я не стал ждать, пока он поднимется. Я вышел на площадку, толкнул дверь обратно – за мной, но не закрыл, оставил щель, чтобы Таня и Генри могли видеть, что происходит.

Зомби лежал на полу и пытался встать. Движения были нечеловеческими: он поднимался как паук, выгибая спину, упираясь головой в пол, пока ноги не находили опору. Я сжал нож.

– Иди сюда, – сказал я.

Он повернул голову. Глаза – мутные, белые, без зрачков. Рот открыт, из него течёт что-то тёмное. Он издал тот самый звук – влажный, низкий, и двинулся ко мне.

Я не думал. Я просто шагнул навстречу и ударил ножом в глаз.

Глава 4

Я вытащил нож из глаза соседа.

Это было отвратительно. Лезвие вышло с влажным хлюпающим звуком, и на коврике у двери осталось тёмное пятно. Рука дрожала. Не от страха – от адреналина, который всё ещё кипел в крови. Я смотрел на тело. Бородатый, худой, в грязной толстовке. Теперь мёртвый. По-настоящему мёртвый, а не тот ходячий ужас, каким он был минуту назад.

Я не успел перевести дыхание.

Из полумрака коридора, хромя, волоча левую ногу, шла соседка. Студентка. Та самая, тучная девушка в очках, которая всегда включала попсу по ночам и смеялась с подругами. Сейчас её очки были разбиты, одно стекло треснуло, из-под него сочилось что-то красное. Она не кричала. Она издавала тот же звук, что и бородатый – низкое, влажное, нечеловеческое мычание.

Она шла на меня.

Я не думал. Адреналин ещё не отпустил, он толкал меня вперёд, заставлял действовать, пока страх не вернулся. Я бросился на неё сам.

В этот раз я целился в глаз. Я помнил – из фильмов и книг, которые читал когда-то от скуки – что таких тварей убивает только повреждение мозга. Шея, грудь, сердце – это всё не работает. Только голова. Только мозг.

Но я промахнулся.

Она качнулась в сторону, и нож скользнул по её виску, рассек кожу, но не вошёл в череп. Она рванулась ко мне, разинув рот, и я едва успел отшатнуться. Её зубы клацнули в сантиметре от моего плеча. Запах – сладковато-гнилостный – ударил в нос.

Я не стал отступать. Я навалился на неё всем телом, толкнул назад, к стене. Она была тяжёлой – все её сто шестьдесят килограммов живого веса, которые теперь стали мёртвым грузом. Мы вместе рухнули на пол, я сверху. Она извивалась, пытаясь укусить меня за руку, за плечо, за лицо. Я прижал её левой рукой за горло – кожа была холодной и липкой – а правой снова и снова втыкал нож в глаз.

Я не попал с первого раза. Со второго – тоже. Нож скользил по скуле, по надбровью, застревал в мягких тканях, но не входил в глазницу. Она царапала мою куртку, и я чувствовал, как её ногти рвут ткань. Я ударил ещё раз. Ещё. Ещё.

На пятый или шестой раз лезвие вошло. Соппротивление было странным – не как у живого, а как у перезрелого фрукта. Твёрдая оболочка, а внутри – пустота. Я провернул нож. Она дёрнулась и замерла.

Я сидел на ней, тяжело дыша, и смотрел на свою руку. Она была в крови по локоть. Чужой. И своей – я порезал палец о треснувшее стекло её очков. Кровь капала на её лицо, смешивалась с тем, что уже было там.

Я встал.

Ноги дрожали. Я отошёл к стене, прислонился, закрыл глаза. Сделал вдох. Выдох. Вдох. «Не сейчас, – сказал я себе. – Не сейчас. У тебя ещё куча работы».

На этаже было шестнадцать дверей. Пятнадцать чужих, одна наша. Я должен был проверить каждую. Потому что если где-то за одной из них прячется ещё один такой... или не прячется, а ждёт, когда я уйду, чтобы выломать нашу дверь и добраться до Тани и Генри...

Я не мог этого допустить.

Я пошёл вдоль коридора. Первая дверь – напротив нашей. Пожилая пара, тихие, вежливые. Я постучал. Никто не ответил. Дёрнул ручку – заперто. Хорошо. Плохо только то, что я не знал, живы ли они. Но хотя бы заперлись.

Вторая дверь – через одну от нашей. Не знаю, кто там живёт. Закрыто. Третья – закрыто. Четвёртая, пятая, шестая...

Я шёл и считал. Закрыто. Закрыто. Закрыто.

Седьмая дверь – соседа-наркомана. Та самая, из которой вышли двое. Она была приоткрыта.

Я толкнул её ногой. Петли противно скрипнули.

Квартира была маленькой студией, как у нас. Но в ней не было мебели, только грязный матрас на полу, горы окурков в банке из-под майонеза, какой-то почти пустой зиплок на подоконнике. Освещение было так себе. Но света хватало, чтобы увидеть то, что было в центре комнаты.

Зомби в джинсовом костюме доедал женщину.

Я не знаю, кем она была. Может, подругой соседа. Может, случайной жертвой. Она лежала на спине, руки раскинуты, голова повернута вбок. Её голова была повреждена – кто-то или что-то размозжило ей череп, и мозг вытек наружу. Она не поднялась. И уже не поднимется.

Зомби повернулся ко мне.

Это был мужчина лет сорока, полный, с седеющей бородой. Джинсовая куртка застёгнута на все пуговицы, на груди – тёмное пятно. Он смотрел на меня мутными глазами, и его челюсть двигалась, пережёвывая что-то, чего я не хотел разглядывать.

Он бросился на меня.

Я выставил нож вперёд. Ударил. Навык, рефлекс, что угодно – но я ударил не в голову. Лезвие вошло ему в грудь, прямо в грудину, и застряло. Я дёрнул – нож не выходил. Засел в кости.

Зомби даже не заметил. Он схватил меня за куртку, притянул к себе. Я чувствовал его дыхание – холодное, с запахом разложения. Он тянулся к моему лицу, раскрыв рот, и я вцепился ему в горло свободной рукой, пытаюсь оттолкнуть. Бесплезно. Силы у него было больше, чем у живого человека.

Я выпустил рукоятку ножа. Понял, что если сейчас не сделаю что-то, то умру. Или хуже.

Моя рука нашарила что-то на столе – я стоял рядом, в двух шагах от матраса. Холодный, шершавый металл. Пепельница. Тяжёлая, чугунная, доверху набитая окурками и пеплом. Я высыпал содержимое одним движением, не глядя, и со всей силы ударил зомби по голове.

Он качнулся, но не упал. Разжал одну руку, схватил меня за запястье. Я ударил снова. Кровь и что-то ещё брызнули на моё лицо. Он всё ещё стоял. Он тянул меня к себе, к своим зубам.

Я дёрнул его на себя.

Это был рискованный манёвр – вместо того, чтобы оттолкнуть, я потянул. Он потерял равновесие, наклонился вперёд, и я, используя его инерцию, навалился сверху. Мы снова упали. Я сидел на нём, как минуту назад сидел на студентке, и бил. Бил пепельницей по голове. Раз. Два. Три. Четыре.

Я не считал.

Я бил, пока не перестало что-то хрустеть под пепельницей. Пока его руки не упали на пол и не замерли. Пока я не понял, что в его голове ничего не осталось, что могло бы заставить его двигаться.

Я отбросил пепельницу в сторону. Она упала на линолеум с глухим стуком.

В комнате воняло. Кровью, нечистотами, чем-то сладким, от чего тошнило. Я сидел на полу, прислонившись к стене, и смотрел на свои руки. Красные до локтей. Нож всё ещё торчал из груди зомби в джинсовом костюме. Я даже не стал его вытаскивать.

Я посмотрел на стол. Там лежала пачка сигарет. «Винстон». И зажигалка. Обычная, пластиковая, прозрачная, с торчащим фитильком.

Я взял сигарету дрожащей рукой. Сунул в рот. Щёлкнул зажигалкой. С первого раза не получилось – пальцы скользили по колёсику. Со второго – вспыхнуло пламя.

Я затянулся.

Сигарета была ментоловой. Я ненавижу ментол. Но сейчас она была самой вкусной в моей жизни.

Я открыл окно и выглянул наружу.

Вид был почти нормальный. Двор, деревья с молодыми майскими листьями, детская площадка, скамейки. Ничего не горело. Никого не бегало с криками. Просто... не было людей. Вообще. Обычно в мае во дворе полно народу: мамы с колясками, пенсионеры на скамейках, дети в песочнице. Сейчас – никого. Пустые скамейки. Пустые качели, которые медленно раскачивались на ветру. Как будто город вымер, но не разрушился. Как будто все просто встали и ушли.

Я затянулся снова.

Адреналин отступал. Тело начинало болеть. Плечо – там, где меня хватал зомби. Запястье – порезанное о стекло. Спина – когда мы падали. И тошнота. Она накатила внезапно, горячей волной. Я высунулся в окно, и меня вырвало. Два раза. Я стоял на коленях у подоконника и смотрел на пустой двор.

Внизу, на детской площадке, скрипели качели. И больше ни звука.

Я вытер рот рукавом. Затянулся снова.

Мысли приходили в порядок.

Свет работал. Я посмотрел на лампочку под потолком – она горела ровным жёлтым светом. Вода, наверное, тоже работала – я слышал, как в трубах что-то шумит. Связь... связь работала, но плохо. Я достал телефон – две полоски сети. Вчера было четыре. И интернет почти не грузился. Но он был. Свет был. Вода была. Мир снаружи выглядел почти нормально, если не считать отсутствия людей.

Это было обманчиво. Я понимал, что это ненадолго.

У нас есть время. Может быть, сутки. Может, чуть больше. Коридор на этаже зачищен – я проверил все двери, кроме нашей. Двери соседей заперты. Из открытых только одна – эта, квартира наркомана. В ней больше никого нет. Два зомби в коридоре, один здесь. Все три мертвы. Женщина с разбитой головой – так и осталась лежать.

Но запах. Он разойдётся по всему дому. Он привлечёт других. А другие – в подъезде – они есть. Я слышал их. Когда мы дрались, снизу доносились звуки. Тяжёлые шаги. Влажные удары.

Я докурил. Ментоловый дым обжигал горло. Я затушил окурок о подоконник и бросил его вниз, на пустую детскую площадку.

Потом я посмотрел на эту квартиру. На матрас. На зиплок. На джинсового зомби с моим ножом в груди. На женщину, которую он ел.

– Зато твою грёбаную колонку больше никто не включит, – сказал я вслух.

Прозвучало глупо. И всё же мне стало чуть легче.

Я вытащил нож из груди зомби. Лезвие вышло с влажным звуком. Я вытер его о джинсовую куртку и вышел в коридор. Закрыл дверь соседа. Не запер – нечем. Просто прикрыл.

Потом посмотрел на два тела на площадке. Бородатый. Студентка. Они лежали в лужах крови, и кровь уже начала подсыхать, превращаясь в тёмную липкую корку. Я перешагнул через руку студентки и пошёл к нашей двери.

Постучал. Три раза. Коротких.

– Это я, – сказал я. – Открывай.

Дверь открылась. Таня стояла на пороге, бледная, с половником в руке. За её спиной – Генри. Пёс смотрел на меня, потом на коридор, и вдруг заскулил.

– Ты весь в крови, – сказала Таня.

– Не моя, – ответил я. – Почти.

Я зашёл в квартиру. Таня закрыла дверь. Заперла на все замки. Накинула цепочку.

– Как ты? – спросила она.

Я посмотрел на свои руки. Красные. Чёрные под ногтями. На куртке – дыра от когтей зомби в джинсовом костюме.

– Прогулка отменяется, – сказал я. – Генри придётся потерпеть.

– Что случилось?

Я сел на диван. Генри подошёл, положил голову мне на колени. Я погладил его, и моя рука оставила на его рыжей шерсти красные следы.

– Случилось то, что я убил трёх человек, – сказал я. – Или то, что раньше было людьми.

Таня села рядом. Молча. Взяла мою грязную руку в свои.

– Рассказывай, – сказала она тихо.

Я рассказал.

Про бородатого, который зажимал студентку, хотя на самом деле ел её. Про нож, который застрял в груди зомби в джинсовом костюме. Про пепельницу. Про сигарету. Про то, что коридор зачищен, но это ненадолго. Про то, что в подъезде есть ещё.

– Свет есть, – сказал я. – Вода, кажется, тоже. Но я не уверен, надолго ли.

– И связь есть, – добавила Таня, посмотрев на телефон. – Но почти не работает. Я пыталась дозвониться до мамы – не смогла.

Мы замолчали.

Генри вздохнул и положил голову мне на колени. За окном темнело. В квартире горел свет – обычный, жёлтый, как всегда. Всё выглядело почти нормально. Почти как вчера. Или как в прошлый вторник.

Но это был конец мира, который был нам знаком и начало чего-то нового.

– Что будем делать? – спросила Таня.

– Не знаю, – сказал я. – Но нам нужно что-то решать.

Она кивнула. Генри прижался ко мне ближе. Свет горел ровно. Вода в трубах шумела где-то за стеной. Мы были в одной квартире, но каждый думал о своём.

Глава 5

Лёня договорился с нужными людьми без особого труда.

Это было его умением – находить общий язык с теми, кто мог дать то, чего нет у других. За годы работы таксистом, потом на складе, потом на вахте у него накопилась целая телефонная книга контактов. Кто-то из них уже не отвечал. Кто-то отвечал, но говорил, что помочь ничем не может. Но были и те, кто работал как часы.

Бензин он нашёл через знакомого знакомого. Встретились на окраине Кингисеппа, у заброшенного ангара. Двое молчаливых парней в камуфляже перекачали четыре канистры по двадцать литров. Лёня заплатил, не торгуясь. Загрузил канистры в УАЗик матери и поехал обратно. Никаких происшествий. Ни зомби, ни патрулей, ни сумасшедших. Дорога была пустой – настолько, что это само по себе начинало пугать.

Но он быстро понял: одного бензина мало. Неизвестно, на сколько это затянется. Неизвестно, что ждёт их на трассе. А у них в машине – женщины, ребёнок, брат, который никогда не держал в руках ничего тяжелее компьютерной мыши. Если они наткнутся на кого-то, кто не захочет просто так их пропустить... или на то, что раньше было людьми, но теперь только хотело жрать...

Лёня достал телефон, нашёл нужный номер и набрал.

– Ашот, привет. Да, жив пока. Слушай, у меня к тебе дело. Серьёзное.

Ашот был старым знакомым. Они вместе работали на стройке лет десять назад – Лёня водителем такси, Ашот тоже, часто вместе обедали на перерывах. Потом их пути разошлись. Ашот ушёл в какие-то свои дела и, судя по всему, преуспел. Он быстро разбогател. Не тем способом, который обсуждают за ужином в приличных семьях, но Лёню это не волновало. Времена наступали такие, что приличные семьи уже не ужинали.

– Лёня, брат, – голос Ашота звучал спокойно, даже лениво. – Чего надо?

– Снаряжение. Два автомата. И две пистолета. И патроны. Много.

Ашот помолчал. Потом спросил:

– Ты чё, на войну собрался?

– Типа того.

– Деньги есть?

– Будут.

– Будут – не значит есть. Но для тебя, Лёня, я сделаю. Приезжай сегодня. Только один. И без хвоста.

Лёня приехал один. Без хвоста. Ашот встретил его на своём складе – огромном ангаре где-то между Кингисеппом и Сланцами. Внутри пахло маслом, деревом и чем-то ещё, чему Лёня не знал названия. Ашот не изменился – такой же коренастый, с цепким взглядом и мясистыми руками. Разве что одет был дороже, чем раньше.

– Смотри, – сказал Ашот, откидывая брезент с длинного стола. – Два АК-47. В идеале. Смазаны, почищены, можно хоть завтра в бой.

Лёня взял один из них в руки. Тяжёлый. Холодный. Пахнет железом и смазкой. Он никогда раньше не держал автомат. Ну, почти никогда – несколько раз в тире стрелял из мелкокалиберной винтовки, но это было совсем другое. Автомат весил иначе. Чувствовался иначе. Сейчас это была не игра.

– Патроны, – продолжил Ашот, указывая на ящики. – По двести на каждый. С запасом.

– А пистолеты?

Ашот усмехнулся. Открыл другой ящик.

– Два ПМа. Макаров, как ты просил. Компактные, удобные. И по три обоймы на каждый.

Лёня посмотрел на пистолеты. Маленькие, почти игрушечные по сравнению с автоматами. Но он знал, что они не игрушки.

– Сколько?

Ашот назвал сумму. Лёня внутри поморщился, но виду не подал.

– Договорились.

Он отсчитал деньги. Почти все, что оставались от его сбережений. После этого у него не осталось ничего. Ни рубля. Только полный багажник бензина и немного оружия.

Ашот помог загрузить ящики в УАЗик. На прощание хлопнул по плечу.

– Лёня, ты мужик правильный. Не пропадай там. Если чего – возвращайся. У меня тут место есть.

– Спасибо, Ашот. Ты тоже не пропадай.

Лёня завёл машину и поехал домой. Дорога снова была пустой. Один раз ему встретилась патрульная машина ДПС – они стояли на обочине, но тормозить не стали. УАЗик с тонированными стёклами выглядел обычным. Лёня выдохнул, только когда свернул во двор.

Дома уже вечерело. Солнце садилось за крыши Кингисеппа, и небо было мутно-розовым, как перед долгой непогодой. Лёня загнал УАЗик на парковку, выключил двигатель. Несколько минут сидел молча, сжимая руль.

Потом вышел и начал разгружать канистры и ящики.

Таскать всё на пятый этаж было тяжело. Лёня заставил помогать Колю – брат пыхтел, таскал ящики с патронами, но не жаловался. Алёна вышла в коридор, увидела автоматы и побледнела.

– Лёня... это зачем?

– Затем, – ответил коротко. – Чтобы выжить.

Она не стала спорить. Только вздохнула и ушла на кухню готовить ужин.

Когда всё оружие оказалось в квартире, Лёня сел на диван и открыл один из ящиков. Достал пистолет. Провёл рукой по холодной стали. Потом переложил и взял автомат.

– Это тебе, – сказал он, протягивая пистолет матери. Олеся Петровна сидела на кухне, пила чай и смотрела в окно. На лице – ни тени страха. Только усталость.

– Я не умею стрелять, – сказала она.

– Научись.

– Когда?

– В дороге. Некогда сейчас. Утром выезжаем.

Олеся Петровна взяла пистолет. Повертела в руках. Тяжёлый.

– И куда мне его?

– В бардачок. Или в сумку. Но чтобы был под рукой.

Она кивнула. Положила пистолет рядом с чашкой и снова уставилась в окно.

Лёня перевёл взгляд на Алёну. Та сидела на кухонном уголке, обнимая Ваню. Ребёнок уже ничего не понимал – играл в машинки и как-то комментировал свои вымышленные приключения, ещё не осознавая, что завтра его ждёт настоящее.

– И тебе, – Лёня протянул жене второй пистолет.

Алёна покачала головой.

– Не надо.

– Надо.

– Я боюсь.

– Я тоже, – сказал Лёня. – Но мы едем на другой конец страны. Шесть тысяч километров. Мало ли кто встретится. Ты должна уметь защитить себя и Ваню.

– А ты?

– У меня будет автомат. – Он кивнул на ящик с оружием. – И у Коли тоже.

Коля, который до этого молча сидел в углу, дёрнулся.

– Я? – переспросил он. – Я не умею.

– Я тоже не очень, – сказал Лёня. – Стрелял пару раз в тире, и всё. Но автомат – не винтовка. Думаю, разберёмся по ходу дела.

Коля замолчал. Глаза у него были большими и испуганными, но он не спорил. Он вообще редко спорил. Особенно со старшим братом.

Лёня достал из ящика второй автомат, протянул брату. Коля взял его неуверенно, будто это было что-то чужое и опасное. Держал на вытянутых руках, как кошку, которую боится уронить.

– Полегче, – сказал Лёня. – Он не укусит.

Коля кивнул, но руки не опустил.

Ужинали молча. Борщ, хлеб, чай с пирожинками. Неизвестно когда теперь удастся так поужинать. Иван ковырялся в тарелке, но Олеся Петровна заставила его съесть всё.

После ужина Лёня включил телевизор.

Телевизор ещё работал. Всего пара каналов – федеральные и один местный – но работали. Диктор говорил спокойным, убаюкивающим голосом:

– Граждане, сохраняйте спокойствие. Ситуация в городе под контролем. Рекомендуем оставаться в домах и не покидать их без крайней необходимости. Все службы работают в штатном режиме. Паника – ваш главный враг.

Лёня переключил канал. Там было то же самое.

– *Всё под контролем*, – повторил диктор.

– *Всё будет в порядке*, – добавила ведущая на другом канале.

Лёня выключил телевизор.

– Врут, – сказал он. – Или сами не знают. Но верить им нельзя.

Никто не спорил.

Олеся Петровна всё крутила в руках телефон. Она уже несколько часов пыталась позвонить маме. Связь работала, но плохо – гудки, обрывы, шумы. Напряжение нарастало с каждой неудачной попыткой.

– Дай сюда, – сказал Лёня. – Я попробую.

– Я сама, – отрезала мать.

Она набрала номер снова. Долгие гудки. Потом щелчок.

– Алло? – голос в трубке был далёким, как будто из другой эпохи.

– Мама! – Олеся Петровна вскочила. – Мама, ты слышишь меня?

– Слышу... плохо... – голос прерывался. – У нас... нормально... спокойно...

– Вы не выходите из дома! Слышишь? Никуда не выходите!

– Да... да... мы здесь... сидим...

Связь снова прервалась. Олеся Петровна набрала ещё раз, но не дозвонилась. Она смотрела на телефон, и Лёня видел, как напряжение отпускает её плечи. Поговорили. Не всё, но главное поняли. У мамы пока всё спокойно.

– Жива, – сказала она, положив телефон на стол. – Сказала, что у них всё нормально.

– Ну и хорошо, – Лёня кивнул. – Значит всё в порядке.

– А если не доедем?

– Доедем.

Он сказал это так уверенно, что даже сам почти поверил.

Вечером, когда все разошлись по комнатам, Лёня остался на кухне. Достал один из автоматов, покрутил в руках. Вспомнил, что показывали в кино про затвор, предохранитель, магазин. Нашёл кнопку, нажал. Магазин выскочил. Лёня вставил его обратно со щелчком.

Потом взял пистолет. Проверил, как вставляется магазин. Дёрнул затвор. Вроде ничего сложного.

«Разберёмся по дороге», – подумал он.

Рядом лежал второй автомат – для Коли. Лёня вздохнул. Младший брат смотрел на оружие как на змею. Но ничего, привыкнет. Или не привыкнет, но стрелять научится. Другого выхода нет.

Лёня убрал автоматы в ящики, закрыл крышки. Поставил их в прихожую, рядом с рюкзаками и канистрами.

Алёна вышла на кухню, увидела его и остановилась.

– Лёнь, – тихо сказала она. – Ты уверен, что мы всё правильно делаем?

– Нет, – честно ответил он. – Но другого варианта нет. Мать не оставит Бабушку. Я не оставлю мать. Вы не оставите меня. И Ваню мы никому не отдадим. Значит, едем все. Вместе.

Алёна подошла, обняла его. Он чувствовал, как она дрожит.

– Не думаю, что это хорошая идея, – прошептала она.

– Я уже всё решил.

Она кивнула в его плечо.

За окном темнел Кингисепп. Город, который завтра они покинут. Может быть, навсегда.

– Спать, – сказал Лёня. – Завтра рано вставать.

– Во сколько?

– В пять. Надо погрузиться и выехать, пока город не проснулся.

Алёна кивнула. Ушла в комнату, к Ване.

Лёня подошёл к окну. Внизу, во дворе, было пусто. Ни машин, ни людей. Только ветер колыхал ветки деревьев.

Лёня выключил свет на кухне и пошёл спать. Нужно отбросить эмоции и провалиться в сон хотя-бы на несколько часов.

Глава 6

Я проснулся в пять утра.

Для меня, человека, который привык ложиться не раньше двух и вставать ближе к обеду, это было противоестественно. В глазах песок, во рту – будто кошки нагадили, голова тяжёлая. Но выбора не было. Чем раньше мы встанем, тем раньше начнём что-то решать. А решать нужно было много.

Таня уже не спала. Она сидела на кухонном уголке, пила кофе и смотрела в стену.

– Доброе утро, – сказала она.

– Оно доброе? – спросил я, моргая.

– Ну, мы живы. Уже плюс.

Я не нашёлся, что ответить.

Первой проблемой стал Генри. Пёс сидел у двери, смотрел на меня голодными глазами и нетерпеливо постукивал хвостом по полу. Он хотел гулять. Но выходить на улицу, когда даже в подъезде вчера были три трупа, а сегодня неизвестно кто, было самоубийством.

– Придётся выгулять его на общем балконе, – сказал я.

– Это некультурно, – заметила Таня.

– Думаешь, соседи будут жаловаться?

Она посмотрела на меня. Потом на дверь. Потом на Генри.

– Ладно, – вздохнула она. – Давай.

Общий балкон был незастеклённый. Туда часто выходили покурить соседи с нашего этажа. Я же курил на нашем уютном балконе, но выгуливать пса в нашей квартире было бы очень неразумно. Потому мы вышли на площадку. Я открыл дверь на балкон. Генри забежал туда, покрутился и замер. Смотрел на меня с недоумением: «Ты меня сюда зачем привёл?»

– Понимаешь, Генри, – сказал я. – Такие дела. Улица теперь опасна. Придётся ходить в туалет как кошка.

Он не понял. Конечно, не понял. Он же пёс.

Таня принесла пелёнку. Специальную, на случай поездок. Генри иногда тошнило в машине.

Мы расстелили её на балконе. Генри понюхал, покрутился, посмотрел на меня снова. Потом вдруг его осенило. Сделал всё быстро, аккуратно, как будто только этого и ждал.

– Умный пёс, – сказал я.

Таня молча завернула пелёнку в пакет. Генри, облегчённый и довольный, вернулся в квартиру, Таня помыла ему лапы и он с чистой совестью улёгся на диван.

Пока Таня готовила завтрак (пюрешка с котлетами – вчерашние, разогретые), я сидел с телефоном и набирал Лёню. Снова и снова. Гудки, шорохи, сбросы. Я пробовал звонить и через обычную связь, и через мессенджеры – всё равно. Лёня не отвечал.

– Не берёт, – сказал я.

– Может, у него сеть не ловит?

– Может. Или он уже уехал. Или...

Я не договорил. Таня поняла.

– Дозвонись до кого-нибудь другого, – предложила она.

Я попробовал набрать ещё пару номеров – бывших коллег, знакомых – ничего. Тишина. Связь работала, но так плохо, будто кто-то наступил на кабель и теперь еле-еле передаёт сигнал через последние уцелевшие жилы.

– Плохо, – сказал я.

– Может ещё получится, – сказала Таня. – Я пока со своего попробую маме дозвониться.

Телефон у Тани был другой оператор. И, видимо, его вышка была ближе, потому что она дозвонилась почти сразу.

– Мам! – она говорила быстро, будто боялась, что связь оборвется. – Ты как? Жива? С тобой всё в порядке?

Я не слышал, что отвечала её мать. Только обрывки, шипение, иногда целые фразы: «У нас всё нормально», «Сидим дома», «Продукты есть». Таня кивала, хотя мать её не видела. Лицо у неё было напряжённое, но я видел, как напряжение понемногу отпускает.

– Я тебя люблю, – сказала Таня в конце. – Мы... мы скоро приедем.

Она положила телефон. Посмотрела на меня.

– Что значит «скоро приедем»? – спросил я.

Она помолчала. Потом сказала:

– Я думаю, нам нужно ехать в Читу.

Я чуть не поперхнулся пюре.

– В Читу? Ты серьёзно?

– А ты предлагаешь сидеть здесь и ждать, пока это всё закончится?

– Нет, но Чита – это...

– Я знаю, сколько это, – перебила она. – Шесть тысяч километров. Но у нас там мама. У нас там все родственники. Если мы останемся здесь – будем зависеть от того, что принесут соседи и что осталось в магазинах. А если поедem...

Она не договорила. И так было понятно.

Я отложил ложку. Не люблю есть вилокoй, ложкой привычнее.

– То есть ты предлагаешь бросить квартиру, все вещи, работу, жизнь и просто взять и поехать через полстраны в неизвестность?

– Да, – сказала она спокойно. – Именно так.

– В такую погоду на метле ты нас далеко не увезёшь.

Она посмотрела на меня с прищуром и сказала:

– Ты поаккуратнее с шутками. В конце концов, у меня есть доступ к твоей еде.

– Это угроза?

– Это данность.

Мы улыбнулись. Стало немного легче.

– Хорошо, – сказал я. – Допустим, едем. На чём?

– На машине.

– У нас нет машины. У нас нет прав.

Таня закатила глаза.

– Дима, посмотри на улицу. Полиции нет. ГИБДД нет. Никто не будет проверять у тебя права. Ты умеешь водить – вот что важно.

Я не умел водить, хоть Тане в этом признаваться и не хотелось. Если я никого не собью пока завожусь, уже не плохо. Но сейчас... сейчас Таня была права. Полиции действительно не было. А если и была, то у неё были заботы поважнее, чем проверять документы у каждого водителя.

– Допустим, – сказал я снова. – Но где взять машину?

– Не знаю. Но мы что-нибудь придумаем.

– Хорошо.

Я доел пюре. Котлета была холодной, но вкусной. Таня готовит хорошо.

– Ладно, – сказал я, вставая. – Я займусь вопросом.

– Куда ты?

– Пока не знаю. Но надо с чего-то начать.

Я надел куртку. Проверил, что в карманах есть нож – тот самый, которым я вчера пользовался. Вытертый, острый. Подумал и засунул в другой карман свою пепельницу. Мало ли.

– Будь осторожен, – сказала Таня.

– Всегда.

Я вышел в коридор.

Подъезд был пуст. Тела всё ещё лежали на площадке – бородатый наркоман и студентка в очках. За ночь они не встали. Значит, я всё-таки попал в мозг.

Я перешагнул через руку студентки и подошёл к двери соседа-наркомана. Она была приоткрыта – я её так и оставил вчера.

В квартире воняло. За ночь запах только усилился. Я включил свет (свет работал, и это было странно), огляделся.

Джинсовый зомби лежал на полу, там, где я его оставил. С разбитой головой. Пепельница, которой я его добил, валялась рядом. Я машинально сжал свою пепельницу в кармане и подумал, что мне очень повезло, потому что всё могло закончиться совсем иначе.

Обыскал квартиру.

Зиплоки с чем-то сыпучим я не трогал. Не люблю, когда что-то одурманивает. Голова мне нужна ясной. А вот в холодильнике нашлась водка. Новая, с маркой, ещё в пакете. Две бутылки. Я сунул их в рюкзак. Не пить – так, на всякий случай. Водка может пригодиться: рану продезинфицировать, костёр разжечь, кого-то успокоить.

Потом я обыскал трупы.

У джинсового зомби в кармане куртки нашёлся пистолет. Макаров. Я узнал – в кино такие показывают. Тяжёлый, холодный. В рукоятке – магазин. Я нажал кнопку, магазин выскочил. Патроны там были. В другом кармане – два запасных магазина. Я сунул всё в рюкзак.

У студентки в кармане нашёлся ключ. Ключ от её квартиры, судя по брелку. Я решил, что нужно проверить.

Квартира студентки была типичной однушкой. Беспорядок, гора посуды в раковине, на стенах плакаты с какими-то поп-группами. Полезного мало: крупы, макароны, несколько банок тушёнки в шкафу. Но в шкафу же, в коробке из-под обуви, лежала приличная сумма. Деньги. Я пересчитал – несколько десятков тысяч. Не состояние, но на первое время хватит.

Я забрал деньги. И крупы. И тушёнку.

Водку и деньги я отнёс домой первым рейсом. Таня увидела пистолет, поджала губы, но ничего не сказала. Только кивнула.

– Ты умеешь им пользоваться? – спросила она.

– Нет, – честно ответил я. – Но научусь.

Она не стала спорить.

Я оставил в кармане пистолет и два запасных магазина. Взял несколько купюр. Остальное спрятал в шкаф.

– Я пошёл, – сказал я.

– За чем?

– За всем, чего нам не хватает.

– А чего нам не хватает?

Я посмотрел на неё. Потом на кухонный уголок. Потом на пустой холодильник.

– Всего, – сказал я.

Таня понимающе кивнула.

– Возьми Генри, – сказала она. – Одному тебе будет спокойнее?

– С Генри я буду не один, но спокойнее не будет. Он тянет поводок, как конь. И вообще на улице часто ведёт себя неадекватно.

– Но с ним хоть немного безопаснее.

Она была права. Конечно, права.

– Ладно, – сказал я. – Пусть сидит с тобой. А ты... ты никуда не выходи, пока меня нет.
– Договорились.

Я вышел в коридор. В кармане – нож, пистолет в другом кармане, три магазина к нему и пара пустых пакетов для продуктов в рюкзаке.

Тела на площадке уже начали попахивать сильнее. Я перешагнул через них и пошёл к лифту.

Лифт работал. Чудо.

Я нажал кнопку первого этажа. Кабина медленно поползла вниз.

В плане у меня было не много. Найти работающий магазин. Взять продукты, воду, самое необходимое. По пути посмотреть, нет ли где машины, которую можно взять без ключей.

Я знал, что это звучит как мародёрство. Но мародёрство – это когда ты грабишь живых. А вокруг, кажется, почти не осталось живых.

Двери лифта открылись. Я вышел в подъезд первого этажа.

Здесь тоже было пусто. И тихо. И пахло так же – сладко, гнилостно, как наверху.

Я взялся за ручку входной двери. Потянул.

Дверь открылась.

Снаружи был майский день. Солнце уже поднялось, но светило как-то мутно, сквозь пелену. На улице – никого. Ни людей, ни машин, ни зомби. Пустой двор. Качели раскачивались на ветру. Где-то далеко лаяла собака.

Я сделал шаг наружу и замер.

Мир не изменился. Совсем. Дома стояли на месте, асфальт был целым, деревья зеленели. Просто людей не было. Как будто все встали и ушли. Или как будто я проснулся, а весь город вымер.

«Не ссы, – сказал я себе. – Ты же хотел приключений».

Я выдохнул и пошёл вперёд. К магазину на углу. К неизвестности.

Карман оттягивал пистолет. Тяжёлый, чужой. Я не умел им пользоваться. Но одно я знал: если что, я нажму на спусковой крючок. А там будь что будет.

Оборачиваться не хотелось. Я и не оборачивался.

Глава 7

До супермаркета в соседнем доме я дошёл без происшествий.

Это было странно. Я шёл по пустой улице, мимо припаркованных машин, мимо скамеек, мимо детской площадки, и не встретил ни души. Ни живого человека. Ни того, кто перестал им быть. Только ветер и редкие птицы. Майское утро было свежим, но солнце уже начинало припекать. Я перекинул рюкзак на другое плечо и ускорил шаг.

Супермаркет находился на первом этаже панельной многоэтажки. Вывеска была погашена, но дверь открыта. Охранник стоял на входе – здоровый мужик в камуфляже, с красными глазами и трясущимися руками. В руках он сжимал монтировку. Увидев меня, он напрягся, подался вперёд.

– Скажи хоть слово, – сказал он. – Одно слово. Иначе не пущу.

Я понял. Он проверял, заражён я или нет. Те, кто уже превратились, не говорили. Только мычали или рычали.

– Я не заражён, – сказал я. Спокойно, чётко, глядя в глаза.

Охранник выдохнул. Плечи его опустились, монтировка чуть качнулась вниз.

– Проходи, – сказал он. – Только быстро. И без глупостей.

Я кивнул и шагнул внутрь.

Внутри было темно. Свет не горел – то ли отключили, то ли сэкономили. Но через окна пробивалось достаточно солнца, чтобы видеть ряды стеллажей. И два тела, накрытых полиэтиленом, в проходе между кассами.

Я сделал вид, что не заметил их. Прошёл мимо, не глядя.

Взял тележку. Колеса закрипели по плитке. Звук показался оглушительным в этой пустоте.

Я начал с того, что знал точно: тушёнка. Несколько банок. Потом заварные супы – те, что в пакетах, достаточно залить кипятком. Лапша быстрого приготовления – много, она лёгкая и сытная. Заварные каши – овсянка, гречка. Обычных каш взял по паре пакетов, те, что нужно варить. Вдруг будет время и возможность.

На полке с посудой нашёлся небольшой котелок. Алюминиевый, лёгкий, с ручкой. Я повесил его на край тележки.

Потом прошёл к чаю и кофе, сухое молоко. Пакетированный чай – чёрный, зелёный, сколько влезло. Кофе – растворимый, в стеклянной банке. Не фонтан, но лучше, чем ничего. Рядом стояли термосы. Я взял один, большой, на полтора литра.

Спички. Несколько коробков. Зажигалок штук десять. Туалетной бумаги несколько пачек.

Вода. Пятилитровки. Я загрузил в тележку четыре штуки – вес был адский, но без воды никуда.

Дальше по списку Тани. Средства женской гигиены. Я покраснел, но взял то, что она написала. Точно не ошибся – сверялся с телефоном, где остались её сообщения.

Тележка была полной. Я оглядел её и понял, что в руках это не утащить. Слишком много. Слишком тяжело.

На кассе никого не было. Я вышел к охраннику.

– Слушай, – сказал я. – Тележку с собой можно? В залог. Или за деньги.

Охранник посмотрел на тележку, потом на меня. Напрягся снова.

– Не положено.

– Я знаю. Но у меня нет машины, а в руках это не донести.

Он молчал. Я достал несколько купюр – из тех самых, которые нашёл у студентки. Протянул ему.

Он посмотрел на деньги. Потом на тележку. Потом снова на меня.

– Завезёшь? – спросил он.

– Заберу. Честно.

Он подумал. Взял деньги.

– Давай, – сказал он. – Но если не вернёшь – я тебя найду.

– Найдёшь, – пообещал я и покатил тележку к выходу.

Следующим пунктом был магазин с разливным пивом. Я знал его – мы с Таней иногда забегали туда вечером за бутылочкой. Небольшой ларек, где наливали из кег. Хозяин был мужиком с красным носом и вечно недовольным лицом, но пиво у него было хорошее.

Магазин работал. Я закатил тележку внутрь. Было тихо.

– Есть кто? – позвал я.

Помолчал. Уже хотел уходить, когда из подсобки вышел заплаканный парень в заляпанной футболке. Не хозяин, наверное, продавец.

– Чего? – спросил он.

– Пиво. Светлого мне литр. И вишнёвого. Тоже литр.

Продавец молча налил в пластиковые бутылки. Протянул мне.

– И вяленое мясо у тебя есть? – спросил я.

– Есть.

– Всё, что есть, давай.

Он выгреб из-под прилавка несколько пакетов. Я сунул их в рюкзак.

Я отдал деньги, все, что оставались из тех, что прихватил у студентки. Довольный, я покатил тележку обратно. Деньги кончились, но я специально часть оставил дома. Да и продуктов было много, пиво для поднятия духа, вяленое мясо – отличный сухпаёк.

По пути я высматривал машины.

Они стояли вдоль тротуара – десятки, сотни. Брошенные, закрытые, целые. В некоторых сидели люди. Живые? Я не проверял. Останавливаться у каждой не было ни времени, ни желания.

Но одна газель привлекла моё внимание. Старенькая, но выбор небольшой. Внутри кто-то сидел на водительском сиденье. Мужчина в клетчатой рубашке. Он не спал. Он пытался выбраться.

Я подошёл ближе. Сквозь стекло увидел его лицо. Серое, с красными глазами, запёкшейся кровью на губах, видимо грыз губы или головой бился. Он скрёб пальцами по стеклу изнутри. Ногти были сломаны, пальцы в крови. Звук был мерзким – сухим, царапающим.

Заражён. И уже не живой.

Я обошёл машину. Двери закрыты. Ключей не видно. Но машина – это уже что-то. Не густо, конечно, но хоть так. Я запомнил место и покатил тележку дальше.

Перед тем как зайти в подъезд, я завернул в круглосуточный магазин. Тот самый, где мы с Таней иногда брали чипсы и сигареты. Там, в отличии от супермаркета, работал свет, и за прилавком сидел Абдула.

Я знал Абдулу. Мы здоровались, когда я заходил. Он всегда был вежливым, но немногословным. Я не питал иллюзий насчёт его дружелюбности, не самый приятный человек. Сейчас он выглядел ещё более хмурым, чем обычно.

– Абдула, – сказал я. – Сигареты есть?

– Есть, – ответил он. – Деньги есть?

– Деньги кончились. Но мне нужно блоков двадцать. В долг.

Абдула подозрительно окинул меня взглядом. Его глаза сузились.

– В долг не даю. Сам знаешь.

– Я знаю. Но у меня есть залог.

Я полез в карман и достал телефон. Телефон я предусмотрительно спёр, когда обшаривал комнату студентки. Старенький «Самсунг», но рабочий. Чистый, хоть и запаролен.

Абдула посмотрел на телефон. Покрутил в руках.

– Откуда? – спросил он.

– Мой. От сердца отрываю. И вернусь за ним завтра, в любом случае.

Он поморщился. Выругался на своём языке – я не понял ни слова, но интонация была нехорошей. Потом вздохнул, полез под прилавок и выложил двадцать блоков. «Фэст». Синие. Контрафакт, но лучше, чем ничего.

– Заберёшь – вернёшь телефон, – сказал он. – И деньги за сигареты. В двойном размере.

– Договорились, – сказал я, хотя был уверен, что вряд ли вообще когда-нибудь вернусь в этот город.

Я загрузил сигареты в тележку. Влезли еле-еле.

Тележка была переполнена. Я докатил её до подъезда, закатил внутрь. Лифт, на удивление, работал. Я втиснулся в кабину вместе с тележкой, нажал кнопку своего этажа.

Двери открылись. Тела на площадке всё ещё лежали там же, где я их оставил. Запах усилился, но я уже привык.

Я открыл дверь ключом, закатил тележку в квартиру.

– Я вернулся, – сказал я.

Таня сидела на диване с Генри. Пёс спал, положив голову ей на колени. Она выглядела уставшей, но при моём появлении оживилась.

– Боже, – сказала она, глядя на тележку. – Ты что, весь магазин вывез?

– Не весь. Но много.

Я начал разгружать. Банки с тушёнкой, пакеты с супами и кашами, котелок, термос, вода, спички... Таня помогала, раскладывая всё по полкам.

– А это? – спросила она, поднимая пакет с пивом.

– Светлое мне, вишнёвое тебе.

Она улыбнулась. Впервые за день.

– Неожиданно, но приятно.

– Знаю.

Потом я выложил вяленое мясо. Таня взяла пакет, понюхала.

– Хорошее. Ты где взял?

– В пивном магазине.

Она кивнула, не спрашивая подробностей.

Я достал сигареты.

– Это что? – спросила она, округлив глаза.

– Блоков двадцать. В долг. Под залог телефона.

– Чьего телефона?

– Студентки. Она уже не пользовалась.

Таня покачала головой, но ничего не сказала.

Я сел на диван. Выдохнул.

– Забыл мыло, – сказал я. – И в аптеку не зашёл.

– Ничего, – ответила Таня. – Завтра сходишь.

– Завтра уже не будет ни мыла, ни лекарств. Всё разберут.

– Не страшно, по пути возьмём.

Я посмотрел на неё. Она не шутила.

Тележка стояла посреди комнаты. Разбирать её до конца я не спешил. Сил не было. Мы сидели молча, глядя на груды продуктов и прочих товаров, которые за несколько часов стали нашей новой жизнью.

Генри проснулся, понюхал воздух, подошёл к тележке и обнюхал пакет с вяленным мясом.

– Это не тебе, – сказал я.

Он посмотрел на меня с укоризной и лёг на своё место.

– Что будем делать с машиной? – спросила Таня.

– Я нашёл одну. Старая газель. Водитель внутри, заражённый. Ключи в зажигании, но машина не заведена и дверь можно открыть.

– Как хорошо ты умеешь водить? – спросила она.

Я помолчал.

– Не умею вообще, – сказал я. – Но научиться никогда не поздно.

Таня снова покачала головой.

– Ты невозможен.

– Это не новость.

Я встал, подошёл к окну. За стеклом пустой, тихий, вымерший район. Но кое-где в окнах горел свет. Значит, кто-то ещё жив.

– Надо выбирать, – сказал я. – Пока есть свет, вода, пока мы не протухли вместе с этими трупами на площадке.

– Я согласна, – сказала Таня. – Но как?

– Я попробую открыть ту машину. Если получится – заведём. Если нет – поищем другую.

– Ты слишком оптимистичен. Это на тебя не похоже.

– А ты слишком пессимистична. Обычно наоборот.

Она улыбнулась. Я подошёл, обнял её. Генри тут же оказался рядом, требуя своей порции ласки.

– Ладно, – сказал я. – Сейчас перекусим и займёмся машиной.

Я открыл бутылки, налил нам в кружки.

– За то, чтобы мы выбрались, – сказал я.

– За то, чтобы мы доехали, – сказала она.

Мы чокнулись.

Генри вздохнул и закрыл глаза.

Тележка стояла посреди комнаты, напоминая о том, что дом – это не стены, а то, что ты можешь увезти с собой. Или то, что остаётся, когда всё остальное исчезает.

Я отпил пиво. Оно было холодным и вкусным.

– Дима, – сказала Таня. – А что, если мы не доедем?

– Доедем.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Но выбора у нас всё равно нет.

Она кивнула. Прижалась ко мне.

За окном темнело. Где-то вдалеке, кажется, снова лаяла собака.

Я не стал прислушиваться.

Глава 8

Вечер наступил быстро. Мы поужинали – доели остатки котлет, настругали салатик, разогрели пюре. Генри получил свою порцию риса с фаршем и вылизал миску до блеска. Я смотрел на него и думал.

– Давай завтра утром, – предложила Таня, когда мы убрали посуду. – В темноте только хуже будет.

Я покачал головой.

– Утром света может не быть.

– В смысле?

– Свет отключат. Рано или поздно. А спускаться с этой горой вещей на девятнадцать этажей вниз по лестнице, где могут быть заражённые... Так себе идея.

Таня посмотрела на тележку, на рюкзаки, на сумки.

– А если застрянем в лифте? – спросила она. – В этом тоже мало приятного.

– Да, – согласился я. – Но лифт быстрее. И мы всё равно когда-то должны рискнуть. Чем раньше – тем лучше, пока свет ещё есть.

Она помолчала. Потом кивнула.

– Хорошо. Сразу после ужина. Идём все вместе. На лифте.

Я вздохнул. Осталось решить ещё один вопрос.

– Тань, – сказал я. – Нам нужно подумать о Генри.

Она насторожилась.

– В каком смысле?

– В прямом. С ним будет сложнее. Он боится, он паникует, он может нас выдать лаем или скулёжом. Может, лучше оставить его здесь? Отпустить на свободу?

Таня посмотрела на меня так, будто я предложил съесть Генри на ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.